

Д.В. Мельник

к.э.н., доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)

МАФФЕО ПАНТАЛЕОНИ: ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИСТ И КРИЗИС ЛИБЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ИТАЛИИ

Аннотация. В статье рассматривается интеллектуальная и политическая биография одного из наиболее значимых (и наименее известных за пределами Италии) представителей итальянского маржинализма Маффео Панталеони (1857–1924). Выдающийся экономист и непримиримый защитник экономического либерализма, на рубеже XIX–XX вв. он вступил в бескомпромиссную борьбу против тенденции к росту государственного вмешательства в экономику и формированию базы государства благосостояния. Источник этой тенденции виделся ему в союзе между экономическими интересами отдельных групп массового электората и политическими интересами парламентских партий. Попытка нахождения противодействующей этой тенденции силы в условиях кризиса политической системы Италии после Первой мировой войны привела Панталеони в лагерь сторонников Бенито Муссолини. Для понимания эволюции подхода Панталеони в статье раскрывается интеллектуальный контекст формирования его идей, связанный с особенностями развития Италии после объединения страны. Сам Панталеони и его сторонники обозначаются в статье как «чистые» либералы. Их подход сформировался как продолжение борьбы, которую развернули сторонники экономического либерализма во главе с Франческо Феррарой против своих соотечественников «германистов» — экономистов, подход которых был схож с подходом Немецкой исторической школы. Особый накал эта борьба приобрела в 1870-е гг. А с 1890-х гг. борьба за идеалы экономического либерализма разгорелась с новой силой — силами экономистов поколения Панталеони. Основная угроза виделась ими уже не во враждебных идеях, а в искажениях экономической политики, вызванных деятельностью либеральных реформистов — политиков, считавших необходимым отход от идеала невмешательства в пользу активных действий правительства с целью ускорения экономического развития и сглаживания социальных противоречий. Стратегия либерального реформизма, в том числе и в результате непримиримой критики «чистых» либералов, оказалась прочно связана с именем итальянского политика Джованни Джолитти. В борьбе 1890-х гг. существенный урон был нанесён обеим сторонам, но с начала 1900-х гг. и вплоть до Первой мировой войны в политике Италии продолжалась эпоха Джолитти. Устойчивый характер тех искажений, который сначала объяснялся «чистыми» либералами преимущественно субъективными факторами — личностью самого Джолитти и политиков его круга, — привёл Панталеони к отходу от занятий чистой экономической теорией и переносу внимания на особенности политических процессов в условиях становления массового общества. Это привело к резкому неприятию политических движений, ориентирующихся на массы, прежде всего социалистического, а также и к пессимистической оценке результатов работы механизма представительной демократии.

Ключевые слова: история экономической мысли Италии, экономический либерализм, маржинализм, Маффео Панталеони.

JEL: B13, B31, H11, N43, N44

УДК: 330.83

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_65_78

© Д.В. Мельник, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мельник Д.В. Маффео Панталеони: либеральный экономист и кризис либерального государства в Италии // Вопросы теоретической экономики. 2025. №1. С. 65–78. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_65_78.

FOR CITATION: Melnik D. Maffeo Pantaleoni: Liberal Economist and the Crisis of the Liberal State in Italy // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 1. Pp. 65–78. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_1_65_78.

Введение

Либеральная экономическая наука и — шире — либеральная элита занимали весьма значимое место в жизни Италии после объединения страны. А на рубеже XIX–XX вв., в условиях массовизации политики, окончательно сформировалась отдельная школа либеральных экономистов: «чистые» либералы. Она опиралась на идеи экономического либерализма середины XIX в. и на анализ механизма общественного выбора в процессе принятия бюджетных решений, который проводился её представителями в русле маржинализма с 1880-х гг. К их числу относились Маффео Панталеони, Антонио Де Вити Де Марко, Уго Маццола. В 1890-е гг. к ним присоединились представители более молодого поколения, в частности Луиджи Эйнаути и Атилио Кабиати. Активно сотрудничал с представителями школы Вильфредо Парето. Всех их объединяло неприятие той трансформации политической системы, которую они рассматривали как всё усиливающееся отклонение от задачи максимизации общественного благосостояния, как подчинение государственного механизма интересам узких групп влияния и отдельных политических группировок. Стремление противодействовать этому и защищать классические принципы экономического либерализма выводило деятельность «чистых» либералов за сутово академические рамки — в область публицистики и политики.

Панталеони был ярчайшим представителем своего поколения либеральных экономистов. В его жизни и идеях, которые рассматриваются в данной статье, отчётливо отразились как трансформация либерального государства в Италии, так и его кризис, завершившийся крахом сложившейся с 1870-х гг. политической модели и установлением фашистской диктатуры. Панталеони являлся не только наблюдателем и критиком, но и как представитель итальянской элиты активным участником этих процессов.

Панталеони: путь либерала

Маффео Панталеони (1857–1924) унаследовал либеральные убеждения от отца — врача (одного из пионеров эндоскопической хирургии) и политического деятеля Диомеде Панталеони [Piccioni, 2014]. Политическую карьеру отец начал, побывав депутатом ещё в Папском государстве в 1848 г., в краткий период открытости либеральным идеям молодого папы Пия IX. Но позиция умеренного либерала быстро привела его в революционный год к опасному отстранению как от всё более дрейфующего в сторону реакции папского престола, так и от всё более радикализирующегося «общественного мнения». В дальнейшем он становился и депутатом уже Итальянского королевства, и его сенатором. Но в политической карьере отца чётко проявились те проблемы, с которыми столкнутся либералы поколения сына: наличие разветвлённой и опирающейся на респектабельную идеологию сети влияния в элитах (в верхах) при отсутствии влиятельной политической силы, воплощающей эту идеологию в пространстве электоральной демократии (в низах).

Панталеони-отец считался экспертом по «римскому вопросу», изобретателем формулы его решения: «свободная церковь в свободной стране»¹. Она предполагала добровольный отказ папства от государственного суверенитета в обмен на... свободу. Взлёты его влияния были связаны не с пребыванием в парламенте, а с периодами, когда продвижение этой формулы представлялось целесообразным светским властям. Панталеони стал дове-

¹ Панталеони-сын в разгар Первой мировой войны, критикуя мирные предложения папы Бенедикта XV, отметит их как «кавурианский принцип» политического решения вопроса отношений государства и церкви, позволивший предотвратить перерастание антиклерикализма в борьбу против религии [Pantaleoni, 1918e. Pp. 18–19].

ренным лицом Кавура, который незадолго до своей смерти направлял его эмиссаром в Рим и в Париж, ко двору Наполеона III. При папском дворе эффективное обоснование планируемого отъёма власти и собственности, очевидно, оценили — и предпочли отгородиться от сил прогресса гарнизоном французских солдат. В следующий раз власти Италии отправят Панталеони в Париж уже после падения империи, к новому правительству, важную роль в котором играл его старый знакомый Адольф Тьер. Задача здесь была, возможно, менее либеральной, но более реалистичной — заручиться невмешательством Франции в военный путь решения «римского вопроса». Французам, впрочем, в 1870 г. было и так явно не до того.

Основными пациентами Панталеони как доктора были иностранцы — сначала в Риме, затем в Ницце. Вероятно, именно так он познакомился с будущей женой, благородной британкой, с которой сочетался браком в Италии². Родившийся год спустя близ Рима первенец, Маффео, ребёнком обучался во Франции и в Германии, закончил Римский университет. Там участие в защите его дипломной работы принял молодой профессор Антонио Саландра — в будущем политический деятель, сторонник вступления Италии в Первую мировую войну, который сменил в 1914 г. на посту премьера Джованни Джолитти, противника этого вступления³. По воспоминаниям Эдвина Селигмена, впервые познакомившегося с Панталеони в Риме в начале 1880-х гг., его мать каждую неделю проводила «вероятно самый влиятельный салон в Риме», где можно было встретить «всех знаменитостей, итальянских и иностранных, находившихся на тот момент в городе, а Маффео, с умелой помощью кого-то из членов семьи, всегда был там в центре блестящей беседы» [Seligman, 1930. Pp. 344–345].

Происхождение открыло для Панталеони дверь в мир британской и, шире, англоязычной экономической науки. Он явно воспринимался там своим — публиковался в престижных изданиях, переводился, поддерживал контакты с коллегами⁴. В середине 1890-х гг. он даже получил приглашение в недавно открытый Чикагский университет, которым, однако, не воспользовался. Будучи гражданином мира по происхождению и воспитанию, Панталеони оставался прежде всего итальянцем. Но знание английского оказалось важным для начала его карьеры экономиста — в конце 1870-х, в университете, вместе со своим товарищем Антонио Де Вити Де Марко, Панталеони познакомился с совсем недавно вышедшей книгой Уильяма Стенли Джевонса, которая оказала на них большое влияние [De Viti De Marco, 1925. P. 168]. Полученное же в детстве знание немецкого сделало его проводником идей австрийской школы маржинализма в Италии.

Эти влияния в полной мере проявились уже в ранних работах Панталеони. Его единственный систематический трактат — учебник «Чистая экономическая теория» — был опубликован на итальянском языке в 1889 г. Его первая часть, «Теория полезности», посвящена обоснованию универсальности гедонистического принципа максимизации удовольствия и минимизации жертв [Pantaleoni, 1898]. Эта универсальность позволяет Панталеони объяснить не только человеческие выборы и действия, но и вытекающие из них общественные процессы. Так, «промышленный прогресс, т.е. проявление гедонистической максимы, состоит в изменении пропорции между затратами и вознаграждениями, уменьшая первые и увеличивая вторые» [Там же. P. 185]. Этот учебник стал манифестом маржинализма в Италии, упрочил международную известность автора и оставил Панталеони в истории

² A genealogical survey of the peerage of Britain as well as the royal families of Europe. Person Page — 24845. URL: <https://www.thepeerage.com/p24845.htm#i248448> (access date: 14.09.2024).

³ Для Панталеони Саландра в этот период выступал образцом управления военного времени, в частности жёсткого подавления профсоюзов, социалистов и иных противников войны, на фоне которого его преемники выглядели крайне невыигрышно [Pantaleoni, 1918a. Pp. 45–46].

⁴ О неслучайном характере английского издания учебника Панталеони 1889 г. говорит благодарность переводчика Альфреду Маршаллу за предоставленный им доступ «к некоторым его неопубликованным рукописям, на которые делаются ссылки в тексте» [Pantaleoni, 1898. P. V].

экономической науки как итальянского маршаллианца — следует подчеркнуть, впрочем, что Панталеони издал свой труд на год раньше выхода «Принципов экономической науки» Маршалла и следовал своему собственному, оригинальному методу в анализе рыночного равновесия [Ронкалья, 2018. С. 435–436]. Впоследствии, однако, не порывая с маржинализмом в теории и либерализмом в идеологии, Панталеони трансформировал свой подход, отказываясь, однако, переиздавать учебник 1889 г. Эта трансформация была связана с его стремлением к реалистичности экономической теории. Однако — и в этом проявлялось сходство с подходом австрийской школы — его следование методологическому индивидуализму не позволяло и уйти в мир чистой абстракции: «Панталеони исходил из приоритета теории ценности перед теорией равновесия, отвергал экономическую механику, равно как и теорию равновесия Парето» [Dallera, 2013. P. 54].

Тем не менее именно британский маржинализм утилитаристского толка как нельзя более удачно совмещался с другим мощным интеллектуальным влиянием на Панталеони-экономиста — учением о государственных финансах Франческо Феррары. Это было не известное в отечественной традиции тяжеловесное, статистически фундированное государствоведение немецкого образца, а практическое приложение утилитаризма, где бюджетные решения рассматривались исходя из принципа гедонизма, максимизации полезности. Собственно, усилия Феррары как теоретика и публициста в немалой степени были направлены против влияния в Италии камералистской традиции — против «экономического германизма» [Dallera, 2013. P. 49]. В теоретическом плане Феррара обосновывал то, что «коллективные действия проистекают из индивидуальных выборов. Он исходил из производительности общественного сектора и критиковал приписываемую Рикардо и Сью теорию непроизводительности общественных услуг. У него государство является производителем, а налог выступает платой за получение приносящих полезность услуг и сводится к простому обмену полезностями в процессе воспроизводства, где сопоставляются получаемая полезность и потери, необходимые для получения блага» [Op. cit.].

Одну из своих ранних работ по финансам Панталеони начинает с описания теории предельной полезности в изложении Джевонса и Вальраса, отдавая предпочтения первому за «большую ясность» изложения [Pantaleoni, 1883. P. 4]. Но также он считает возможным совместить эту теорию с математическим анализом вероятности и ожиданий в трудах Даниила Бернулли и Пьера-Симона Лапласа, отмечая, что «теория финальной степени полезности ... есть не что иное, как математическая доктрина в приданном ей экономической наукой обличье» [Op. cit. P. 6]. Панталеони считает возможным применить вытекающую из этой теории логику индивидуального выбора к процессу бюджетных решений, неоднократно подчёркивая, что в нём «необходима балансировка лишений, вызванных общей величиной изъятий, с конечными степенями полезности от различных статей расходов» [Op. cit. P. 26]. Признавая теоретическую сложность формулирования такого процесса выбора, он, тем не менее, исходит из того, что он реализуется на практике. Панталеони основывается на том, что эта задача вполне посильна для того «среднего уровня разумности», который формируется в парламентах [Op. cit. Pp. 13–14], а, кроме того, данная задача в общих чертах уже решается перед передачей бюджета в парламент на уровне министра финансов и доступного ему административного аппарата [Op. cit. Pp. 25–28].

В целом в своих ранних работах в области государственных финансов Панталеони рассматривает государство (избранное правительство) в качестве субъекта общественных решений (*decisore pubblico*), агрегирующего общественную полезность, считывающего и учитывающего предпочтения индивидов. Результирующие бюджетные решения выступают, таким образом, механизмом, который уравнивает предельные выигрыши бенефициаров бюджетных трат с предельными тяготами обложения. Такое государство вполне соответствовало определению Панталеони: «чистые науки в общем есть изучение *возможного*, т.е. возможных форм, возможных движений, возможных изменений» (цит. по.:

[*Del Buttero, De Stefani, 1935*]). Одной из этих возможностей являлось и благожелательное правительство, не ставящее перед собой иных целей, кроме максимизации общего благосостояния. Однако в последующем он отходит от этой предпосылки.

Одним из важнейших факторов этой интеллектуальной эволюции стало, как представляется, активное включение Панталеони в мир итальянской политики. В 1890 г. Панталеони вместе с Де Вити Де Марко и Уго Маццолой выкупили три четверти доли владения в издававшемся с 1875 г., но затем прекратившем выходить «Журнале экономистов» (*Il Giornale degli Economisti*). Инициатором перезапуска издания был владелец оставшейся четверти, который изначально предполагал его превращение в авторитетную трибуну экономистов всех направлений. Это отражало, подчеркнём, не просто общие благие пожелания, но попытку решить вполне конкретную задачу: ликвидировать раскол среди итальянских экономистов, который наметился примерно с 1860-х гг. и отражал различия в подходах, весьма схожие с теми, которые проявятся в немецкоязычной науке в известном «споре о методах».

Однако имеющиеся методологические различия были многократно обострены в середине 1870-х гг. после создания двух противоборствующих ассоциаций экономистов и полемики о принципах политики в области налогообложения, регулирования внешней торговли, развития промышленности, эмиграции. Именно Феррара стал обозначать своих противников как единую «ломбардо-венецианскую школу». И именно он своей борьбой с ними закрепил идеи популяризаторов экономического либерализма середины XIX в. в качестве основы для решения всех тех вопросов экономической и социальной политики, которые возникли в последней трети столетия: прежде всего разделённости Юга и Севера и общей отсталости в экономическом развитии.

История перезапуска «Журнала экономистов» показала, что битва продолжалась и в 1890-е гг., не оставляя место перемириям. Три товарища-либерала быстро оттеснили от ведения редакционной политики четвёртого совладельца. Журнал стал оплотом распространения маржинализма в теории и продолжал дело Феррары в идеологии⁵. Активное участие в его издании принимал Парето, друг и корреспондент Панталеони. Но редакционная политика также и вывела журнал с чисто академической орбиты — он превратился в боевой листок итальянского либерализма, нещадно (в частности, в статьях самого Панталеони) бичующего пороки политической системы и антилиберальные меры правительств и конкретных их представителей. Журнал приобрёл не свойственную научным

⁵ Впрочем, предполагаемую при перезапуске «Журнала» нишу быстро заняло другое издание, «*La Riforma Sociale*». Его возглавил Франческо Саверио Нитти (1868–1953) — специалист в области финансов и публицист, либерал, который, однако, был открыт социальному реформизму и активному участию государства в индустриализации в духе идей Немецкой исторической школы. Нитти при этом отвергал как этический подход Немецкой школы, так дедуктивизм построений маржиналистов [*Нитти, 1904*]. Призывая не преувеличивать возможности государства, Нитти обращал внимание на то, что «индивидуализм, как единственный и господствующий принцип экономического строя, больше недопустим» [Там же. С. 24]. Данный учебник Нитти станет самым крупным его произведением как экономиста. Изданный в Италии в 1903 г., он очень быстро был переведён на ряд языков, русское издание вышло с предисловием А.И. Чупрова. Однако именно в это время Нитти переходит от академической работы к политической деятельности, постепенно передавая руководство журналом в руки яркого представителя «чистых» либералов Эйнауди. В 1900-е гг. Нитти стал видным критиком Джолитти и, в полном соответствии с «трансформизмом» итальянской политики, министром в одном из его правительств. А в 1919–1920 гг. уже и сам Нитти будет возглавлять правительство. Несмотря на различия в подходах, Нитти высоко оценивал уже самую раннюю работу Эйнауди, вышедшую в «Журнале экономистов», и хорошо знал его самого. В 1919 г., в премьерство Нитти и по представлению правительства, Эйнауди получит назначение в сенат Итальянского королевства. Став одной из ранних мишеней фашистов, Нитти покинет Италию в 1924 г. и вернётся на авансцену итальянской политики лишь после двух десятилетий эмиграции, едва не возглавив правительство вновь (одним из влиятельных голосов против стал голос одного из его ближайших предшественников в премьерском кресле Витторио Эммануэле Орландо). В 1948 г., в президентство Эйнауди, Нитти станет сенатором Итальянской республики. На этом посту он и закончит свою долгую жизнь, успев возглавить незадолго до смерти государственную комиссию по похоронам Орландо.

изданиям популярность, что, впрочем, стало отталкивать от него собственно учёных. Лишь на рубеже 1900-х гг., после смерти Маццолы и отхода сначала Панталеони, а затем и Де Вити Де Марко от непосредственного руководства редакцией, издание стало возвращаться в академическое русло, продолжая следовать при этом маргиналистской теории и либеральной идеологии⁶.

Публицистика стоила Панталеони поста директора Коммерческой школы в Бари. Но она же, вкупе с накопленным интеллектуальным влиянием, открывала ему двери в мир бизнеса, финансов и политики. В 1892 г. он передал оказавшиеся в его руках материалы незавершённого ранее парламентского расследования одному из депутатов парламента, что запустило банковский скандал (подогреваемый в том числе и на страницах «Журнала»). Скандал привёл к падению первого кабинета Джолитти. Сторонники Джолитти не забыли этого. Спустя 10 лет сам Панталеони, к тому времени депутат парламента и профессор самой престижной экономической кафедры Италии в Римском университете, окажется в центре широко освещавшегося враждебной прессой банковского скандала. Панталеони смог доказать свою юридическую невиновность, но скандал подорвал его финансовое положение и, главное, душевное здоровье жены. В 1904 г. он уходит в отставку с поста депутата. На это, вероятно, повлиял не только скандал, но и полное разочарование в парламентской политике: Панталеони избирался на волне своей популярности оппозиционера, пользуясь широкой политической поддержкой, в частности и со стороны радикалов и социалистов. Но в парламенте он проявлял несгибаемое следование либеральным принципам середины XIX в. и быстро оказался в изоляции (в отличие от сочетавшего приверженность либерализму с большей политической гибкостью Де Вити Де Марко, который избрался в парламента ненамного позже Панталеони, но задержался в его стенах дольше).

Неудивительно поэтому, что в своем анализе финансов Панталеони в 1900-е гг. отошёл от первоначального образа государства: «оно стало представляться уже не благожелательной властью, выполняющей исключительно функцию интерпретации индивидуальных предпочтений, а властвующим классом, не соответствующим тому мандату представительства, которым наделяют его граждане. Этот класс, скрывая свою склонность к паразитированию и даже прямо к хищничеству с помощью искажающих техник коммуникации, направляет часть общественных доходов либо для сохранения собственной власти, либо для перемещения ресурсов в пользу лоббистов и клиентов. В результате во всех этих случаях налог не мог более рассматриваться по аналогии с ценами, формирующимися на рынке, — он превращался в изъятие без соответствующего возмещения» [Bini, 2012]. При этом речь шла о том, что данные искажения являются результатом действия «плохих» институтов. За манипулирующим «техниками коммуникации» «властвующим классом» явственно проступали демократически избираемые представители парламентских партий со сменяемыми лидерами типа Джолитти. За политически мотивированным перераспределением ресурсов — давление народных масс. Именно в связи с распространением социального законодательства (прочно связанным с именем Джолитти) Панталеони отмечал в 1902 г., что в современной ему Италии «привилегированные классы военных, крупных земельных собственников, крупных промышленников» дополнялись или вытеснялись «аристократией новых клиентов», а политические решения начинали определяться консенсусом «отдельных категорий бюрократии и тех рабочих, которые организованы лучше

⁶ Именно на страницах «Журнала» были опубликованы ставшие позднее всемирно известными работы Э. Бароне [Barone, 1908a; Barone, 1908b] и Е. Слуцкого [Slutsky, 1915]. В XX в., несмотря на перипетии политической истории Италии, журнал сумеет сохранить приверженность либерализму. Так, в 1985–1995 гг. его главным редактором был экономист Марио Монти — впоследствии видный сторонник евроинтеграции, комиссар Еврокомиссии; в 2011 г., после вынужденной отставки последнего правительства Берлускони, он станет внепартийным («технократическим») премьер-министром и будет проводить политику резкого сокращения бюджетных расходов, «оздоровления» финансов (в частности, за счёт системы пенсионного обеспечения) и либерализации рынка труда.

других» (цит. по: [Bini, 2012]). Этот тренд явно следовал из демократического процесса. Впрочем, ещё в своих ранних работах он отмечал фундаментальную проблему расширения народного представительства, связанную с тем, что высшие классы вынуждены обихаживать низшие для получения их голосов. Это вынуждает их даже «говорить языком низших классов, а не собственным, равно как и спускаться на несколько ступеней вниз в своём интеллектуальном и моральном уровне» [Pantaleoni, 1883. P. 14 n. 1].

Базовые постулаты экономического либерализма оставались для Панталеони неизменными. Рыночный механизм позволял максимизировать полезность от доступных экономических благ. Капитализм как социально-экономический строй обеспечивал «наименее несовершенную институциональную систему для направления экономического процесса к целям развития и благосостояния» [Bini, 2012]. Таким образом, вполне сложившийся в XIX в. строй гарантировал неуклонное движение к лучшему в этом наименее худшем из миров. Либералы поколения Панталеони-сына, следуя либералам поколения Панталеони-отца, вплоть до конца столетия полагали, что на пути к прогрессу оставались лишь препятствия вроде анклавов папства, отсталости пока незатронутых экономической динамикой регионов и социальных групп, коррумпированности политиков. Но смена веков оказалась и переломом эпох. Значительные группы имеющих избирательное право граждан (а не только политиков!) отказывались от идеалов гражданственности (какими их видели рафинированные либералы) и действовали не в целях свободы, а в соответствии с собственными интересами, выражавшимися в ожидаемом росте доходов; идеях о снижении неравенства и более широком доступе к общественным благам; стремлении к территориальным расширениям своей страны за счёт соседей и колоний.

Это подталкивало Панталеони к размышлениям, в которых констатация систематических нарушений работы рыночного механизма в результате государственного вмешательства сочеталась с суждениями историко-философского характера. Приближаясь к концу своей жизни, он констатировал, что «русская революция и Парижская мирная конференция ввергли мировой экономический порядок в русло, благоприятное социалистам: замена режима национальных и интернациональных экономических цен режимом цен политических, подорвав экономические основы цивилизации XIX столетия, перевела стрелки часов социального прогресса обратно ко времени средневековья» [Bianco, 2014].

Здесь следует заметить, что понятие политической цены использовалось Панталеони в работах по финансам ещё довоенного периода для оценки воздействия налогов на ценообразование. По итогам войны он пришёл к выводу, что в «огромной части экономического мира политические цены заменили цены экономические» [Pantaleoni, 1919a. P. 62]. Бенефициары идентифицировались им совершенно чётко: социалисты всех мастей.

В 1890-е гг. Панталеони, как и другие либералы его круга, считал сотрудничество с социалистами возможным и желательным. В процессе запуска банковского скандала, стоившего Джолитти его первого премьерства, он оповестил о намерении обнародовать полученные им сведения не только близких ему либеральных экономистов, включая Парето (который первоначально пытался отговорить Панталеони от этого шага), но и видного итальянского марксиста Антонио Лабриолу (который горячо поддержал его намерение и сообщил о нём Фридриху Энгельсу) [Канделоро, 1975. С. 480]. А поскольку никто из группы «чистых» либералов не являлся тогда членом парламента, одним из проводников расследования в его стенах стал депутат-социалист Наполеоне Колайани. Но в новом веке Панталеони стал воспринимать социалистов всё более негативно, дойдя до обвинений в национальном предательстве в годы Первой мировой войны (что совершенно не исключало для него, как и для других итальянских либералов, возможности тёплых личных отношений с отдельными носителями левых взглядов в культурной и интеллектуальной элите).

Что же касается характера указанных им шоков, то уже саму идею Парижской конференции он оценивал весьма негативно, констатируя, что она «несёт не мир, а новые

войны» [*Pantaleoni*, 1919a. P. 64]. Такой вывод был связан с тем, что Панталеони неуклонно следовал политической традиции, подразумевающей анализ международных отношений с точки зрения баланса сил. Исходя из этой традиции, он видел за вильсоновским морализаторством контуры новой британо-американской мировой гегемонии, которая, по его оценке, возможно, будет «менее мучительной, или же более выгодной», чем любая иная, но в отсутствие трений между двумя ведущими англосаксонскими державами будет именно гегемонией: «военной, морской, финансовой и даже культурной» [*Pantaleoni*, 1919b. P. 174]. И именно исходя из этой традиции русская революция, которая означала для него полный и бесповоротный крах России, приобретала такое значение. Он сравнивал её эффект с падением Персидской империи под ударами Александра Македонского. Падение Российской империи создавало, с его точки зрения, огромный вакуум, заполнение которого будет сопровождаться борьбой и конфликтами глобального масштаба. Этот вакуум простирался вплоть до Азии: «Сибирь досталась русским случайно» [*Pantaleoni*, 1918b. P. 207]. Панталеони исходил из того, что огромные ресурсы при незначительности русского населения превратят её в арену «гигантской конкуренции между японцами, американцами, англичанами — и, возможно, немцами» [Op. cit. P. 208]. Предвидел он рост влияния Британии на Ближнем Востоке, в частности в Персии, при соответствующем росте конкуренции и конфликтов с другими державами. В Европе он предсказывал усиление Германии, которая практически неизбежно захватит часть бывших территорий России [Op. cit. P. 209].

В условиях ожидаемой глобальной турбулентности единственное, что могла сделать Италия, это продолжать борьбу «за выход к нашим естественным границам» [Op. cit. P. 210]. Вместе с тем, Панталеони занимали не только геополитические рассуждения.

Либерализм элиты и мифы масс

Парето в своей социологической теории выделял значение коллективных предрасудков — мифов, которые, отражая в той или иной мере интересы отдельных социальных групп, определяли устремления и движения масс, помимо экономических интересов индивидов. Панталеони вполне разделял эту концепцию и применял её к обстановке в Италии. Он весьма пессимистично оценивал способность буржуазии к мифотворчеству, способному увлечь за собой массы⁷ — и эта идея отражала не только умозрительные рассуждения, но и провал попыток «чистых» либералов увлечь за своими политическими целями радикалов и социалистов в 1890-е гг. В конечном итоге «единственным мифом, способным поддержать восходящую к ценностям эпохи Возрождения консервативную и либеральную реакцию, ему стал представляться миф национализма, поглощённый затем мифом фашизма» [*Bianco*, 2014].

Однако публицистика Панталеони последних лет его жизни даёт основания предположить, что к «мифу фашизма» он пришёл не только как к средству. В его оценках неприятие социализма во всех его проявлениях всё теснее переплеталось с «национальным вопросом». В свою очередь, его национализм был неразрывно связан с характерным для «чистых» либералов элитизмом.

По аналогии с утилитаристским подходом к агрегированию общественной полезности на базе индивидуальных оценок Панталеони ставил вопрос о возможности сопоставления различных народов и отвергал возможность чисто арифметического их сопоставле-

⁷ Примерно четыре десятилетия спустя схожую идею выразит в своей ставшей бестселлером работе Йозеф Шумпетер [*Шумпетер*, 1995], который, как известно, весьма хорошо знал итальянскую литературу. В какой степени она могла быть результатом итальянского следа в его анализе, а в какой отражала общее «видение» разочаровавшихся в потенциале буржуазной цивилизации либералов периода смены эпох — вопрос отдельного исследования.

ния. Две схожие по численности и структуре «народные массы» для него «имеют различную политическую ценность, исходя из морального и культурного характера масс, а также исходя из пропорций управляющих классов в каждой из них...» [Pantaleoni, 1918b. P. 193]. Поэтому он считал возможным дополнять геополитические рассуждения межнациональными сравнениями с использованием различных коэффициентов, отражающих разность «весов» каждого народа. Он воздерживался от попыток численного установления таковых, а качественные оценки народов могли меняться от статьи к статье, отражая, очевидно, различия в его эмоциональном состоянии. Тем не менее определённая «система весов» у него явно была.

В центре внимания Панталеони, естественно, находились итальянцы. Отмечая, что элита Италии сопоставима по своему уровню с элитами других цивилизованных стран, он указывал на огромный разрыв, даже «пропасть», отделяющую её от народных масс [Pantaleoni, 1918c. P. XI]. Принадлежность к цивилизованному миру означала в этом случае не только включение элиты в единое культурное пространство, но обладание национальной элитой собственным рычагом воздействия как на правительство, так и на массы — «общественным мнением». Своей культурой обладали и массы — и Панталеони явно не был в этом отношении поклонником народных танцев. В его рассуждениях о культуре масс экономический и географический детерминизм переходил в детерминизм культурный. Неблагоприятные «условия жизни» могли приводить к установлению такого «ментального и эмоционального состояния, которое необходимо прежде разрушить, поскольку оно является препятствием для всякого прогресса» [Pantaleoni, 1918b. P. 198].

И в этом отношении на самой низкой ступени среди всех больших европейских народов стояла для него Россия: её «народ неграмотен, более некультурен и примитивен по сравнению с итальянским и испанским» [Op. cit.]. С другой стороны, «в России пропорция элиты по отношению к массе гораздо меньше, чем у нас» [Op. cit. P. 199]. Такая арифметика делала, с его точки зрения, невозможным культурное строительство силами элиты, которая могла в этой ситуации выступать проводником прогресса лишь опосредованно, опираясь на деспотическое государство. Понятно, что с крахом государственности неизбежно распадалось и общество. Либерал Панталеони, разумеется, не мог быть реакционером, уравнивающим с хаосом всякую революцию. Тезис «это другое» в его исполнении выглядел так: «Отсутствие общественного мнения в России есть то, что более всего другого отличает русскую революцию от французской» [Op. cit. Pp. 199–200].

Очевидно, что в рассуждениях Панталеони о России не было ничего оригинального. Под многими из них вполне могли подписаться и те представители прогрессивной интеллигенции в самой России, которые привычно обличали в борьбе с самодержавием равным образом и «власть тьмы», и «тьму власти» — да фактически и почерпнуты они были, судя по ссылкам, в основном из доступной ему переводной литературы русскоязычных авторов. Панталеони, будучи одновременно отстранённым и пристрастным наблюдателем, заимствовал «западнический» тезис о европейскости русской культуры. Но если в оригинале он призван был обозначить причастность к цивилизованной семье народов, то у Панталеони этот же тезис стал обозначать чуждость культуры элиты культуре народности. Он отрицал как оригинальность «высокой» русской культуры (литературы и музыки), так и «русскость» её творцов, методично перечисляя их национальные корни — от Пушкина до Леонида Андреева и Бальмонта [Op. cit. Pp. 196–197]. В любом случае, эту культуру он выводил за скобки, считая нерелевантной для народности. Она же с распадом государственности виделась ему так: «Не существует русского народа, существует 50 или 60 русских народов. Не существует русского общественного мнения, существуют миллионы и миллионы людей — не просто неграмотных, но связанных между собой разнообразнейшими видами примитивных связей, примитивных языков, примитивных религий, примитивных политических организаций, обладающих примитивными разумом и чувствами» [Pantaleoni, 1919a. P. 177].

Нетрудно представить, почему быстрое восстановление государственности с консолидаций Советской власти приводило его в исступление. «Большевики — орда кочевников... Они — хищные волки, которые должны быть побеждены оружием под страхом быть разорванными ими на куски в противном случае» [Pantaleoni, 1922. Pp. VI–VII]. Именно характер народности сказался в установлении власти Советов, которые не могли бы укорениться ни в США, ни в Британии: «Джон Буль не имеет мозга итальянцев или французов, ни говоря уже о мозге славян; он обладает мозгом римлян, но тех римлян, которые жили до Р.Х.» [Pantaleoni, 1919c. P. 197]. И в этом проявлялся для него ещё один характерный, и высший, признак цивилизованности — способность к имперскому строительству как к способу расширить пространство цивилизации. Успехи в имитации такого строительства по образу римлян и британцев он готов был признать даже за немцами. Но, очевидно, не за «кочевниками».

При всех страхах Панталеони перед появлением очередных «варваров», не они сами по себе виделись ему основной опасностью. Спасение от них могло быть найдено в военно-политической области путём союза цивилизованных народов. Его конфигурации для него были подвижны, меняясь под воздействием внешних обстоятельств и собственных оценок. Лишь Италия и её интересы всегда находилась в фокусе. Например, в 1919 г. подобный союз рисовался ему так: «Перед лицом германской опасности, варварской анархии русских и югославов, а также американского империализма насущнейшие жизненные интересы требуют ... поддержания союза между англичанами, французами и итальянцами» [Pantaleoni, 1919a. P. 187].

Страшнейшая опасность виделась ему в возможности проникновения в национальный организм тех сил, которые ослабляют и разрушают его изподволя, изнутри. Воздействию этих сил в 1917 г. он приписывал и катастрофическое поражение Италии в битве при Капоретто, и русскую революцию. Состав этих сил у него мог различаться, вбирая различные социальные, политические, национальные компоненты. Но ключевым было то, что они являлись силами интернациональными и потому антинациональными. И наиболее общим их обозначением стал социализм.

Социализм, проникнув в Россию из Германии, подорвал в конечном итоге её слабый государственный аппарат и обрушил фронт. Но ровно тот же социализм, только в другом — не «русско-немецком», а «итало-немецком» — обличии он усматривал и в своей стране, предвидя возможность аналогичного подрыва государственности и наступления анархии [Pantaleoni, 1918d]. Социализм стал куполом, под которым у Панталеони непротиворечиво помещались все чуждые и враждебные итальянской нации силы: от Коммунистического интернационала до мировой финансовой плутократии. А к агентам, вольным или невольным пособникам этих сил на внутренней арене в разное время относились им все, кто оказывались противниками его либеральной политико-экономической программы: от социалистов и джолиттианцев до клерикалов и масонов. В конечном итоге он нашёл лишь одну национальную силу, способную побороть все эти влияния: «Не случись выступления фашизма, Италия пережила бы катастрофу не только экономическую, не только политическую — она столкнулась бы с разрушением собственной цивилизации сродни тому, которое произошло в России и Венгрии» [Pantaleoni, 1922. P. VII].

Некролог Сраффы весьма сухо упоминает о том непосредственном опыте Панталеони, который воплотился в это убеждение, указывая сначала на занятие им поста министра финансов при Габриэле Д'Аннунцио во Фиуме, а затем перечисляя посты, которые он занимал, «став сторонником фашистского правительства» [Sraffa, 1924. Pp. 649–650]. Жизнеописание в издании национальной итальянской энциклопедии фашистского периода предсказуемо более колоритно: «придя к фашизму, он остался верным его последователем» [Del Buttero, De Stefani, 1935]. Наконец, современный итальянский историк экономической мысли, повторяя высокую оценку Панталеони-экономиста, считает нужным оставить

хотя бы условный шанс для размежевания с фашизмом Панталеони-политику: «Министр финансов при аванюре Д'Аннунцио во Фиуме, он принял фашизм, и в 1923 г. был назначен в сенат. Его смерть в следующем году затрудняет для нас определение его реакции на политическое убийство Маттеотти, ведущего антифашистского члена парламента — убийство, за которое Муссолини несёт полную моральную ответственность» [Ронкалья, 2018. С. 435].

Историческим фоном для политической исканий Панталеони стала Первая мировая война и её последствия. В 1915 г. Италия переметнулась от Тройственного союза к Антанте, вступив в войну против Австро-Венгрии в обмен на обещания по присоединению считавшихся исконно итальянскими территорий. «Чистые» либералы приветствовали этот шаг с разной степенью восторженности. Однако итоги войны принесли разочарование. Старшие партнёры по Антанте примкнули к США и проигнорировали ряд итальянских притязаний в ходе Парижской конференции. В свою очередь, в борьбу за земли распавшейся Австро-Венгрии подключилось Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (будущая Югославия). Арбитром по особо острому территориальному спору вокруг одного из важнейших портов на Адриатике Фиуме (ныне хорватская Риека) и прилегающей территории вызвался быть сам Вудро Вильсон. Устав от бесконечных препирательств в ходе Парижской конференции, он пошёл на необычный демарш и обратился напрямую к итальянскому народу через прессу. Суть обращения состояла в том, что ради мира, свободы и демократии итальянцам следует отказаться от притязаний на Фиуме [Statement..., 1919]. Орландо, тогдашний премьер, в ответ покинул конференцию, неся за собой в Рим шлейф «украденной победы». Италия клокотала от негодования, а в охваченный беспорядками Фиуме пришлось вводить ограниченный контингент войск Антанты. В этой ситуации в борьбу за честь и будущее включился футуризм. Собрав свою, как сказали бы сейчас, ЧВК и не встречая особого сопротивления, в сентябре 1919 г. в Фиуме вошёл поэт Д'Аннунцио. Операция была с восторгом встречена местным итальянским населением и значительной частью населения в самой Италии. Но она поставила власти страны (правительство на тот момент возглавлял уже Нитти) в патовое положение. Изначальной целью Д'Аннунцио было присоединение Фиуме к Италии. Правительство не могло ни отвергнуть этот дар без риска резкого падения поддержки внутри страны, ни принять его без риска фронтальной конфронтации как с Югославией, так и со старшими партнёрами по Антанте. Итальянскому генералу Пьетро Бадольо (который, став к тому времени уже маршалом, перехватит в 1943 г. пост премьера у смещённого Муссолини) было поручено организовать блокаду Фиуме (легко преодолеваемую, впрочем, со стороны Италии), а правительство Нитти оказалось в ситуации «ни мира, ни войны», пытаясь всё более безуспешно лавировать между союзниками и общественным мнением в самой Италии. В итоге, уже летом 1920 г. к власти вновь вернётся старый знакомый Панталеони Джолитти.

Д'Аннунцио, осознавая невозможность присоединения территории к Италии, спустя год после захвата провозгласил Фиуме регентством с собой во главе и принялся творить новую Италию вне Италии. Провозглашённая им конституция объединяла в себе эстетику футуризма, зов национализма и дух корпоративизма. В эту-то фантазмагорию и был вовлечён блестящий, всемирно признанный интеллектуал Панталеони.

Однако и государственный аппарат в опытных руках Джолитти не собирался уступать мечтам о прекрасной Италии будущего без боя. Наилучшим компромиссом всегда является компромисс своевременный. В обстановке всеобщей усталости от неопределённости, в ноябре 1920 г. Джолитти заключил в Рапалло договор о границах с югославской делегацией. Фиуме становилось свободным государством в соответствии с буквой принятых в Париже решений — а именно необходимость отказа Италии от города подрывала позиции двух его предшественников. Но он использовал ситуацию во Фиуме как козырь. Югославия умерила свои притязания, и границы оказались весьма благоприятны для Италии. Последним препятствием оставался островок футуризма. В конце декабря 1920 г.

Джолитти направил в Фиуме итальянские войска с приказом подавить очаг сопротивления, не останавливаясь перед кровопролитием. Приказ был выполнен.

Фактически итальянское влияние в «свободном» Фиуме по итогам сохранилось, а эпопея Д'Аннунцио закончилась. Его политическое наследие перехватил, систематизировал и включил в фашистское движение более опытный политик. На Муссолини как на последний бастион буржуазной цивилизации переключились и надежды либералов. С его приходом к власти Панталеони-политик сменил причудливые адриатические декорации на более приличествующие ему стены сената Королевства. С фашизмом он оставался до конца своей жизни. Но память соотечественников запечатлела Панталеони-экономиста: «Профессор в восьми университетах, в каждом из них он оставлял верных и полных энтузиазма учеников» [*Del Buttero, De Stefani, 1935*].

Заключение

Панталеони, как и другие «чистые» либералы, в полной мере воспринял идеологию экономического либерализма в том виде, в котором она сложилась к середине XIX в. Это было связано с влиянием со стороны Феррары, равно как и всей богатой традиции итальянской экономической мысли. Вместе с тем, в своей деятельности он выступал не только как доктринёр и пропагандист. Панталеони, наряду со всегда стоявшим особняком Парето, являлся крупнейшим представителем и распространителем маржинализма среди итальянских экономистов своего поколения. Одним из важных достижений его анализа государственных финансов 1880-х гг. стал отход от доктринального тезиса о «неестественности» государства как экономического агента и обоснование возможности государства «производить» позитивный вклад в прирост общественного благосостояния путём фискального перераспределения ресурсов. Однако уже в 1890-е гг. этот вполне «маршаллианский» вывод, подразумевающий необходимость обоснования экономической политики на базе (либеральной) экономической теории, вступал во всё большее противоречие с систематическим использованием фискального механизма в политических, а не экономических целях. Непримируемая критика политической системы Италии эпохи Джолитти выталкивала Панталеони в мир политики и публицистики. Он не отошёл от изначальных доктринальных и теоретических убеждений, но дополнил их представлением о системном характере вносимых разрастающимся государством искажений. Анализ этих искажений выводил его за пределы чистой экономической теории, в область рассмотрения порочной связи экономических интересов отдельных групп избирателей, мифов массового сознания и паразитизма парламентских партий. Осознание узости электоральной базы либерализма и отсутствия у элиты эффективных средств обуздания массовых движений — прежде всего социалистического — перевело его в годы Первой мировой войны и полное потрясений и разочарований послевоенное двухлетие на крайне правые позиции. Попытка оседлать миф национализма и приручить его для реализации программы либеральной элиты вынесла Панталеони к концу его жизни в лагерь итальянского фашизма.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Канделоро Дж. (1975). *История современной Италии*. В 8 т. Т. 6: *Развитие капитализма и рабочего движения (1871–1896)* [Candeloro J. (1975). *The History of Modern Italy*. In 8 Vols. Vol. 6: *The Development of Capitalism and the Labor Movement*]. — М.: Прогресс.
- Нитти Ф. (1904). *Основные начала финансовой науки* [Nitti F. (1904). *Principles of Financial science*]. — М.: Издание М. и С. Сабашниковых.
- Ронкалья А. (2018). *Богатство идей: история экономической мысли* [Roncaglia A. (2018). *The Wealth of Ideas: A History of Economic Thought*]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Шумпетер Й. (1995). *Капитализм, социализм и демократия* [Schumpeter J. (1995). *Capitalism, Socialism, and Democracy*]. — М.: Экономика.
- Barone E. (1908a). Il Ministero della produzione nello stato collettivista // *Giornale degli Economisti*. Vol. 37 (Anno 19). Settembre. Pp. 267–294.
- Barone E. (1908b). Il Ministero della produzione nello stato collettivista (Continuazione) // *Giornale degli Economisti*. Vol. 37 (Anno 19). Ottobre. Pp. 391–414.
- Bianco A. (2014). Pantaleoni, Maffeo // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 81. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_(Dizionario-Biografico)) (access date: 11.09.2024).
- Bini P. (2012). Pantaleoni, Maffeo // *Il Contributo italiano alla storia del Pensiero: Economia*. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_\(Il-Contributo-italiano-alla-storia-del-Pensiero:-Economia\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_(Il-Contributo-italiano-alla-storia-del-Pensiero:-Economia)) (access date: 11.09.2024).
- Dallera G. (2013). La ‘scuola’ italiana di scienza delle finanze // *Moneta e Credito*. Vol. 66. No. 261. Pp. 45–93.
- Del Buttero A., De Stefani A. (1935). Pantaleoni, Maffeo // *Enciclopedia Italiana*. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_\(Enciclopedia-Italiana\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/maffeo-pantaleoni_(Enciclopedia-Italiana)) (access date: 11.09.2024).
- De Viti De Marco A. (1925). Maffeo Pantaleoni // *Giornale degli Economisti e Rivista di Statistica*, Serie quarta. Vol. 66 (Anno 40). No. 4. Pp. 165–177.
- Pantaleoni M. (1883). *Contributo alla teoria del riparto delle spese pubbliche*. — Roma: Tipografia editrice romana.
- Pantaleoni M. (1898). *Pure economics*. — London, New York: Macmillan.
- Pantaleoni M. (1918a). Nel fronte interno // *Politica: criteri ed eventi* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 27–50.
- Pantaleoni M. (1918b). Il crollo della Russia. In che consista e effetti che ne seguono // *Politica: criteri ed eventi* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 191–210.
- Pantaleoni M. (1918c). Prefazione // *Politica: criteri ed eventi* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. IX–XII.
- Pantaleoni M. (1918d). Frutti del socialismo italo-tedesco e russo-tedesco // *Politica: criteri ed eventi* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 65–90.
- Pantaleoni M. (1918e). La Nota del Pontefice ai capi dei popoli belligeranti // *Politica: criteri ed eventi* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 1–20.
- Pantaleoni M. (1919a). Danni economici della sostituzione di prezzi politici a quelli economici // *La fine provvisoria di un'epopea* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 61–83.
- Pantaleoni M. (1919b). La Conferenza, le realtà, i miti e le utopie // *La fine provvisoria di un'epopea* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 165–188.
- Pantaleoni M. (1919c). Scena e retroscena // *La fine provvisoria di un'epopea* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. 189–216.
- Pantaleoni M. (1922). Prefazione // *Bolcevismo Italiano* / M. Pantaleoni. — Bari: Laterza. Pp. III–XLVIII.
- Piccioni R. (2014). Pantaleoni, Diomede // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 81. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/diomede-pantaleoni_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/diomede-pantaleoni_(Dizionario-Biografico)) (access date: 11.09.2024).
- Salvemini G. ([1910] 1966). Il ministro della mala vita // *Il ministro della mala vita e altri scritti sull'Italia giolittiana* / G. Salvemini. — Milano: Feltrinelli.
- Seligman E.R.A. (1930). Pareto and Pantaleoni: Personal Reminiscences of Two Italian Economists // *Political Science Quarterly*. Vol. 45. No. 3. Pp. 341–346.
- Slutsky E. (1915). Sulla Teoria Del Bilancio Del Consumatore // *Giornale Degli Economisti e Rivista Di Statistica*. Vol. 51 (Anno 26). No. 1. Pp. 1–26.
- Sraffa P. (1924). Maffeo Pantaleoni // *Economic Journal*. Vol. 34. No. 136. Pp. 648–653.
- Statement of President Wilson Regarding the Disposition of Fiume (1919) // *The American Journal of International Law*. Vol. 13. No. 4. Pp. 761–763.

Мельник Денис Валерьевич

dmelnik@hse.ru

Denis Melnik

Associate Professor, Deputy Head of the Center for the History and Methodology of Economic Science, HSE University (Moscow)

dmelnik@hse.ru

**MAFFEO PANTALEONI: LIBERAL ECONOMIST
AND THE CRISIS OF THE LIBERAL STATE IN ITALY**

Abstract. The article examines the intellectual and political biography of one of the most important (and least known outside Italy) representatives of Italian marginalism, Maffeo Pantaleoni (1857–1924). An outstanding economist and an uncompromising defender of economic liberalism, at the turn of the 19th and 20th centuries he entered into an uncompromising battle against the tendency towards increasing government interference and the formation of a welfare state. He saw the source of this tendency in the alliance between the economic interests of individual groups of the mass electorate and the political interests of the parliamentary parties. The attempt to find a force to counteract this tendency in the situation of the crisis of the Italian political system after the First World War led Pantaleoni to the camp of Benito Mussolini's supporters. The peculiarities of Italy's development after the unification provide the context for understanding the evolution of Pantaleoni's approach. Pantaleoni himself and his supporters are designated in the article as "pure" liberals. Their approach was emerged as a continuation of the struggle waged by the supporters of economic liberalism led by Francesco Ferrara against their compatriots, the «Germanists» — economists whose approach was similar to that of the German Historical School. This struggle gained particular intensity in the 1870s. In the 1890s, the struggle for the ideals of economic liberalism flared up with new force — this time by the economists of Pantaleoni's generation. They saw the main threat no longer in hostile ideas, but in the distortions of economic policy caused by the activities of liberal reformists — those politicians who considered it necessary to move away from the ideal of non-interference in favor of active government actions in order to accelerate economic development and smooth out social contradictions. The strategy of liberal reformism, not least due to the irreconcilable criticism of «pure» liberals, turned out to be firmly associated with the name of the Italian politician Giovanni Giolitti. The struggle of the 1890s inflicted significant damage on both sides. But at the beginning of the 1900s the Giolitti era began in Italian history, which ended only with the First World War. The persistent nature of the political distortions, which were initially explained by "pure" liberals primarily by subjective factors — the personality of Giolitti himself and the politicians of his circle — led Pantaleoni to move away from studying pure economic theory and to shift his attention to the peculiarities of political processes in an emerging mass society. This led to a sharp rejection of political movements oriented towards the masses, especially the Socialists, as well as to a pessimistic assessment of representative democracy.

Keywords: *history of Italian economic thought, economic liberalism, marginalism, Maffeo Pantaleoni.*

JEL: B13, B31, H11, N43, N44.